

УДК 811.111-26

*И. В. Лисица**(Новосибирский государственный педагогический университет)*

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «THE LADY'S MAID»)

В статье рассматриваются особенности интерпретации имплицитных смыслов в коротком рассказе Кэтрин Мэнсфилд «The Lady's Maid». Декодирование невербализованного содержания данного литературного произведения связано не только с переносным значением слов, символической образностью или определенной композиционной организацией текста, но и имеет непосредственное отношение к объему жизненного опыта читателя.

Ключевые слова: интерпретация художественного текста, короткий рассказ, имплицитные смыслы, авторские интенции, символизм, метафора.

Lisitsa I. V.

IMPLICIT MEANING IN FICTION: THE PROBLEM OF INTERPRETATION (BASED ON K. MANSFIELD'S SHORT STORY "THE LADY'S MAID")

The paper considers the specificity of the interpretation of implicit meanings in the short story by Catherine Mansfield "The Lady's Maid". The decoding of the non-verbalized content of this particular literary work is associated not only with the figurative meaning of words, symbolic imagery or a specific compositional structure of the text, but is also determined by the reader's life experience.

Keywords: interpretation of fiction, short story, implicit meanings, the author's intentions, symbolism, metaphor.

Глубокое и полноценное восприятие художественного текста не представляется возможным без интерпретации авторских интенций, выраженных не только эксплицитно, но и скрытых за переносным значением слов, символической образностью или определенной графической организацией произведения. Имплицитные смыслы могут быть не всегда осознаваемы, поскольку

требуют вдумчивого и иногда многократного прочтения, сопоставления описанных ситуаций с биографией или жизненной позицией автора, соотнесения с литературным направлением, типические черты которого присутствуют с анализируемом тексте.

В ряде исследовательских работ подчеркивается необходимость анализа имплицитных смыслов, передаваемых

языковыми единицами разных уровней [6; 7; 9; 12]. Так, Л.Ю. Ларина, оценивая степень объективности и субъективности интерпретации короткого рассказа К. Мэнсфилд «Психология», приходит к заключению о том, что смысл, заложенный в данный текст, намного превосходит уровень повествования [5, с. 103]. При этом автор работы считает целесообразным признать, что границы между субъективностью и объективностью читательских выводов характеризуются размытостью и неопределенностью.

Согласно концепции Е.В. Ермаковой, «имплицитность – это феномен существования знания в усвоенной форме, без обязательного выведения его в сознательную форму». Имплицитность может проявлять себя в языке в качестве имплицитных значений языковых единиц, в речи – в качестве имплицитных смыслов, которые образуются при активизации имплицитного знания ситуативно-прагматическим контекстом [2, с. 7].

Отсутствие вербализованных компонентов содержания, которые при этом подразумеваются автором, можно наблюдать на разных языковых уровнях [3, с. 114]. Успех декодирования скрытых смыслов в данном случае непосредственно зависит от полноты фоновых знаний реципиента [8, с. 731].

Короткий рассказ К. Мэнсфилд *The Lady's Maid* наполнен имплицитными смыслами на разных уровнях, начиная с его названия. По своей сути заголовок выражает основную мысль произведения, а именно тот факт, что жизнь служанки принадлежит ее госпоже, о чем свидетельствует грамматическая форма притяжательного падежа. В этой связи перевод П. Охрименко «Служанка своей госпожи» представляется наиболее удачным, поскольку передает это грамматическое значение. Более того, обращает на себя внимание употребление определенного артикля. Действительно,

в жизни Эллен нашлось место только одному человеку, ее госпоже, и никакие жизненные обстоятельства не заставят ее отказаться от этой роли.

Композиционная структура рассказа является достаточно необычной. С одной стороны, это монолог главной героини, в котором она рассказывает про всю свою жизнь. С другой стороны, уже в первых строчках (... *I hope I haven't disturbed you, madam. You weren't asleep – were you? But I've just given my lady her tea, and there was such a nice cup over; I thought, perhaps...*) Эллен обращается к собеседнице, согласной ее выслушать. Каждый из последующих абзацев рассказа – это, очевидно, ответ на вопрос мадам, но сами вопросы в тексте рассказа отсутствуют, мы не слышим голоса второго персонажа.

Отсутствует в тексте и голос автора-повествователя, К. Мэнсфилд оставляет читателя один на один с историей Эллен. Таким образом, внешняя фокализация рассказа как повествовательная перспектива требует особого внимания при интерпретации невыраженных мыслей и переживаний главной героини.

В творчестве К. Мэнсфилд, как и ее современников, лейтмотивом выступает тема одиночества, разочарования и отчуждения. Ж.В. Трофимова, анализируя способы выражения эмоций в психологической прозе К. Мэнсфилд, приходит к выводу о том, что эмоциональные концепты обнаруживают высокую степень лингвистической репрезентации в произведениях данного автора. Исследователь выявляет репрезентанты восьми концептов базовых эмоций человека: «горе – страдание», «радость – удовольствие», «гнев – ярость», «отвращение – омерзение», «презрение – пренебрежение», «страх – ужас», «стыд – застенчивость», «удивление – изумление», таких комплексных эмоций, как «счастье» и «любовь» а также неспецифичных эмоциональных состояний «волнение» и «спокойствие» [10, с. 7]. Согласно ре-

зультатам исследования, доминантным концептом, который представлен наибольшим количеством репрезентантов, в творчестве К. Мэнсфилд является концепт «горе – страдание» [10, с. 11].

Жизнь Эллен, как она представлена в рассказе, может служить подтверждением данного вывода. Ее мама умерла от чахотки, когда девочке было четыре года. В XIX веке считалось, что данное заболевание связано с нарушением ду-

шевного равновесия, особенно вследствие нервных потрясений или несчастной любви. Поскольку Эллен ничего не говорит ни о своем отце, ни о родственниках с его стороны, можно предположить, что появилась на свет она вне брака, став нежеланным ребенком с рождения. В этом случае становится понятным отношение к ней со стороны родного деда, с кем она жила после смерти матери:

... I lived with my grandfather, who kept a hair-dresser's shop. I used to spend all my time in the shop under a table dressing my doll's hair – copying the assistants, I suppose. They were ever so kind to me. Used to make me little wigs, all colours, the latest fashions and all. And there I'd sit all day, quiet as quiet – the customers never knew. Only now and again I'd take my peep from under the tablecloth.

... But one day I managed to get a pair of scissors and – would you believe it, madam? I cut off all my hair; snipped it off all in bits, like the little monkey I was. Grandfather was furious! He caught hold of the tongs – I shall never forget it – grabbed me by my hand and shut my fingers in them. 'That'll teach you!' he said. It was a fearful burn. I've got the mark of it today [13, p. 305].

... Я жила с моим дедушкой, тогда он держал парикмахерскую. Там я и проводила все время, сидела под столом и делала прически куклам – повторяла за работниками. Они все были очень добры ко мне. Бывало, наделают мне маленьких париков всех цветов и по последней моде причем. Вот и сидела я там весь день, тихо как мышка – клиенты и знать не знали. Разве что выглядывала иногда одним глазком из-под скатерти.

... Однажды я все-таки добралась до ножниц – и что Вы думаете, мадам? Я состригла себе все волосы, как попало, клочками, ну обезьяна обезьяной просто. Дедушка был в ярости! Схватил горячие щипцы для завивки – этого я никогда не забуду – схватил меня за руку и зажал пальцы в щипцах. «Будет тебе уроком!» – он сказал. Ожег был ужасный. У меня до сих пор шрам остался (здесь и далее перевод Лисица И.В.).

Последнее предложение отрывка содержит важный для интерпретации всего произведения имплицитный смысл, выраженный при помощи лексемы *mark*, значение которой усиливается определенным артиклем. С одной стороны, это оставшийся от ожога шрам, с другой, данная метафора говорит о том, что дедушкин урок действительно остался шрамом в душе Эллен на всю жизнь, только выводы, которые в силу своего возраста сделала главная героиня, могут вызвать у читателя несогласие.

Поступок Эллен был мотивирован простым желанием ребенка, оставше-

гося без родительской любви, привлечь к себе внимание. Дедушка, в свою очередь, воспринял его как акт неповиновения, нарушения заведенного порядка или вызов своему авторитету. Возможно, на внучке он выместил свою обиду на дочь, которая сначала опозорила семью, а потом оставила его жить с ежедневным напоминанием об этом. Так или иначе, терпеть девочку в доме он уже больше не мог, и Эллен сначала забрала ее тётя, а потом в возрасте тринадцати лет она пошла в услужение в дом своей госпожи, где и проработала всю жизнь.

... I was thirteen, turned. And I don't remember ever feeling – well – a child, as you might say. You see there was my uniform, and one thing and another. My lady put me into collars and cuffs from the first ... [13, p. 306].

... Мне только-только тринадцать исполнилось. Я вообще не помню, чтобы когда-либо чувствовала себя ребенком, как это, наверно, по-настоящему бывает. Мне выдали форму горничной, и началось – то одно, то другое. Моя госпожа с первого дня велела мне носить белый воротничок и манжеты...

При переводе данного отрывка на русский язык утрачиваются имплицитные смыслы, вложенные в лексемы *collars and cuffs*. Являясь многозначными единицами, они могут обозначать *ошейник и наручники* соответственно (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>). С самого первого дня Эллен попадает в психоэмоциональную зависимость от своей госпожи, избавиться от которой она не сможет, даже когда судьба предоставит ей шанс выйти замуж за владельца цветочного магазина.

Анализируя концепцию человека в произведениях К. Мэнсфилд, А.А. Бурцев и М.А. Бурцева делают акцент на таком понятии, как «неразвитое сердце» [1, с. 193], определяя его вслед за Э.М. Форстером как сбой в коммуникации эмоциональных состояний. Воз-

можно, именно это объясняет все проблемы Эллен. Так, например, она винит только себя за ужасный поступок своего деда: *Бедный дедушка! Он так гордился моими волосами! ... Он сделался сам не свой, когда увидел, в какое пугало я себя превратила*. Или же предпочитает ничего не объяснять жениху, просто возвращает его подарки и захлопывает дверь. Референтные имплицитные смыслы данных контекстов могут получать различную, вплоть до диаметрально противоположной, интерпретацию, что будет определяться, в первую очередь, разным жизненным опытом читателя.

Главная героиня отказывается даже думать о том, что ее жизнь могла бы быть другой, если бы у нее хватило смелости оставить свою госпожу:

... I always tuck in my lady's feet, every night, just the same. And she says, 'Good night, Ellen. Sleep sound and wake early!' I don't know what I should do if she didn't say that, now.

... Oh dear, I sometimes think... whatever should I do if anything were to... But, there, thinking's no good to any one – is it, madam? Thinking won't help. Not that I do it often. And if ever I do I pull myself up sharp, 'Now, then, Ellen. At it again – you silly girl! If you can't find anything better to do than to start thinking!' [13, p. 308].

... Я всегда госпоже ноги в одеяло укутываю, каждый вечер, так уж повелось. А она мне говорит: «Спокойной ночи, Эллен. Спи крепко и вставай пораньше». Я уже по-другому и жизнь свою не представляю.

...Иногда, правда, я думаю, а что бы я делала, если бы... Ой, много думать вредно, верно же, мадам? Ничего этим не изменишь. Да я и не часто задумываюсь. Если вдруг случается, сразу себя одергиваю: «Ну вот опять, Эллен, глупая. Нашла, чем заняться! Будто дел других у тебя нет.»

В литературе модернизма (творчество К. Мэнсфилд принадлежит к этому художественному направлению) образам-символам уделяется особое внимание. Интерпретация символа предполагает работу мышления, на-

правленную на расшифровку смысла, скрытого за представленным языковым знаком. Ю.А. Ладыгин подчеркивает, что символ, функционирующий в художественном тексте, выходит за рамки языка и становится не просто словом,

но некоторой сущностью. Символическое значение суггерирует определенное содержание, проникнуть в которое возможно только после определенных усилий со стороны читателя [4, с. 132].

Символом детства, которого у Эллен

не было, и которого ей в какой-то момент захотелось так пронзительно, что она была готова кричать, в рассказе выступает поездка на осликах. Этот день в парке – единственное цветное воспоминание из ее прошлого:

... Beautiful those donkeys were! They were the first I'd seen out of a cart – for pleasure as you might say. They were a lovely silver-grey, with little red saddles and blue bridles and bells jing-a-jingling on their ears. And quite big girls – older than me, even – were riding them, ever so gay. Not at all common, I don't mean, madam, just enjoying themselves. And I don't know what it was, but the way the little feet went, and the eyes – so gentle – and the soft ears – made me want to go on a donkey more than anything in the world! [13, p. 306].

... Эти ослики были просто загляденье! Первый раз я таких красивых видела, чтобы без телеги. Они были необыкновенного серебристо-серого цвета, с маленькими красными седлами и голубыми уздечками, и колокольчики на голове весело звенели. Они катали взрослых девочек – даже старше меня – которые громко смеялись. Нет, не подумайте чего, просто им было очень весело. Я не знаю, что вдруг на меня нашло, но эти маленькие копыта, и глаза – такие милые – и мягкие уши – от этого всего мне так захотелось прокатиться на ослике! Больше всего на свете захотелось!

Для Эллен это был момент острого эмоционального прозрения, осознания потери всех детских радостей и возможностей. Она не могла прокатиться на ослике потому, что сопровождала двух маленьких племянниц госпожи: *... Of course, I couldn't. I had my young ladies. And what would I have looked like perched up there in my uniform? ... [13, p. 306].* Однако, когда несколько лет спустя у нее будет возможность снять форму горничной и стать хозяйкой своей судьбы, она не сможет принять это решение.

Невербальное поведение героев рассказа также содержит имплицитные смыслы. Когда бабушка жестоко наказала Эллен, она выскочила из парикмахерской и побежала прочь: *I ran away. Yes, I did, round the corners, in and out, I don't know how far I didn't run. Oh, dear, I must have looked a sight, with my hand rolled up in my pinny and my hair sticking out. People must have laughed when they saw me... [13, p. 305].* Читателю понятны боль и отчаяние девочки, ее страх и желание быть как можно дальше от

места, где ее так сильно обидели.

К сожалению, ситуация повторится несколько лет спустя, когда главная героиня сообщит жениху о решении расстаться с ним: *White! he turned as white as a woman. I had to slam the door, and there I stood, all of a tremble, till I knew he had gone. When I opened the door – believe me or not, madam – that man was gone! I ran out into the road just as I was, in my apron and my house-shoes, and there I stayed in the middle of the road... staring. People must have laughed if they saw me... [13, p. 308].* Несмотря на то, что годы спустя Эллен рассказывает об этом без сожаления, будучи уверенной в правильности своего выбора, невербальное поведение свидетельствует о том, что ее душевная рана сопоставима с физической болью, оставившей такую же пустоту в душе. Подсознательно она понимает, что опять все испортила, и ничего хорошего в будущем ее уже не ждет.

Таким образом, интерпретация имплицитных смыслов в художественном тексте связана с композиционными

элементами макро- и микроуровней. Комплексное понимание авторских интенций невозможно без понимания отдельных языковых элементов, что может быть затруднено целым рядом факторов, в первую очередь, отсутствием определенного жизненного опыта или, если текст написан на иностранном языке, недостаточным знанием этого языка и культурологических особенностей народа-носителя.

Невозможно получить однозначный

ответ на вопрос о соотношении объективного и субъективного в читательских выводах. Однако, внимательный анализ буквальных значений, ассоциаций, авторских метафор и других образительно-выразительных средств позволяет исследователю или просто проницательному читателю не только декодировать намеренно не озвученные смыслы, но и получить большее эстетическое удовольствие от литературного произведения.

Список литературы

1. Бурцев А. А., Бурцева М. А. Концепция человека в рассказах Кэтрин Мэнсфилд // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. № 5. С. 190–199.
2. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2010. 46 с.
3. Куликова Э. Г. ИмPLICITные языковые средства в художественном тексте: формирование подтекста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 114–117.
4. Ладыгин Ю. А. К проблеме интерпретации символического содержания в художественном тексте // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири MAGISTER DIXIT. Иркутск: Изд-во Евразийского лингвистического института, 2011. № 2. С. 131–138.
5. Ларина Т. Ю. Интерпретация текста: объективность vs субъективность (на примере короткого рассказа К. Мэнсфилд «Психология») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 102–105.
6. Лисица И. В. Абсурд реальный и мнимый в английской рок-поэзии 60-70 годов XX в. // Образование и культура России в изменяющемся мире: материалы Междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. С. 88–94.
7. Лисица И. В. Вторичные смыслы в британской рок-поэзии 1960-1970-х годов и их языковое выражение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Научный журнал. СПб., 2008. № 35 (76-1). С. 221–227.
8. Милосердова Е. В. ИмPLICITность как лингвопрагматическая категория и ее роль в разных типах дискурса // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. № 12-2 (104). С. 727–732.
9. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 66 с.
10. Трофимова Ж. В. Способы языкового выражения эмоций в психологической прозе К. Мэнсфилд: когнитивно-лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2011. 23 с.
11. Borodina T. L. Phrasal verbs: the problem of misunderstanding or knowledge systematization // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2017. № 4. С. 186–195.
12. Kuzminykh Iu. A., Khoroshilova S. P. Investigating the impact of corpus-based classroom activities in English phonetics classes on students' academic progress // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 4. С. 40–51.
13. Mansfield K. The collected stories of Katherine Mansfield. Wordsworth Edition, 2006. 663 p.